

Сянгенацзи получила лишь поверхностные раны, поэтому, выпавшись, почувствовала себя значительно лучше. Она вполне могла бы встать, но из-за наложенных повязок каждое движение причиняло неудобство, и ей приходилось лежать на животе. Когда же срок вынужденного покоя подошел к концу и она была готова подняться, мать отдала строгий приказ держать ее взаперти. Теперь даже возможность встать с кровати не приносила радости — приходилось лишь бесцельно кружить вокруг нее. Сянгенацзи не знала, что снаружи всё перевернулось с ног на голову, она лишь мечтала выскользнуть наружу, чтобы при удобном случае откровенно поговорить с Вэй Чи. Стоило мыслям устремиться к нему, как она снова начинала капризничать. Муло, видя, что принцесса опять затевает неладное, следила за ней еще пристальнее.

— Неужели мне нельзя хотя бы сходить посмотреть на цветы? — топнула ногой Сянгенацзи.

— Разве будет плохо, если я пойду вместе с вами?

— Плохо! Я хочу пойти одна! — вспылила Сянгенацзи.

Муло лишь крепче вцепилась в ее рукав, не поддаваясь ни на угрозы, ни на уговоры. Упрямство Сянгенацзи взяло верх, и, забыв о манерах благородной девицы, она изо всех сил рванулась к выходу. Муло, хоть и была служанкой, но не обладала силой человека, обученного боевым искусствам, и едва не упала, пытаясь удержать госпожу. Ее руки давно онемели от напряжения, но как она могла отпустить?

— Моя дорогая госпожа, умоляю, не навлекайте на себя беду!

Сянгенацзи на мгновение замерла, почувствовав неладное: раньше, когда она попадала в переделки, ее никогда не запирали так строго. Но стоило ей об этом подумать, как лицо залилось краской — неужели отец и мать боятся, что она снова увидится с Вэй Чи? От этих мыслей она одновременно смутилась и рассердилась. Вспомнив равнодушное выражение лица Вэй Чи, она ощутила разочарование и тревогу. Видя, как покраснела от волнения Муло, Сянгенацзи сникла и отступила в комнату.

— Мать сказала, сколько еще меня будут здесь держать? — надула она губы.

Муло встревожилась. Эта маленькая госпожа была мастером создавать проблемы. Если она узнает, что ее возлюбленный пострадал от рук циских воинов, неизвестно, что она натворит!

— Я не буду пить лекарство! — Сянгенацзи выпятила губу еще сильнее и, сбросив мягкие туфли, повалилась на кровать.

Муло тяжело вздохнула. Эту строптивую девицу было трудно назвать покладистой, но при этом она обладала добрым сердцем: никогда не издевалась над слугами, порой помнила, кто что любит, и, возвращаясь, не забывала привезти подарки. Но если у нее случался приступ упрямства, ее не сдвинули бы с места и девять быков. Скажешь ей идти на восток — она

непременно пойдет на запад. Миловидное личико скрывало мальчишеский нрав: она обожала шум и гам, а стоило ей оказаться рядом с третьим господином, как жди неприятностей. Но сейчас всё было иначе: жизнь третьего господина висела на волоске, да и сама она, едва успев полюбить, столкнулась с такой жестокой судьбой. Какая горькая ирония!

Услышав вздох Муло, Сянгенацзи обернулась:

— Добрая сестрица, расскажи мне, что сказала мать? В доме что-то случилось?

— Ничего особенного, — Муло взяла чашу с лекарством и присела на край кровати.

Видя скорбное лицо Муло, Сянгенацзи почувствовала недоброе:

— Сестрица, прошу, скажи мне правду!

Муло поднесла чашу к губам девушки:

— Выпьешь лекарство — тогда расскажу.

Сянгенацзи хихикнула, забрала чашу и залпом осушила ее до дна:

— Выпила! Теперь говори! Не вздумай обманывать!

Муло вытерла ей рот:

— Такая взрослая, а всё еще такая неряшливая. Думаешь, раз чужих нет, можно забыть о приличиях?

Сянгенацзи заерзала:

— Терпеть не могу эти условности. Как посмотрю на своих кузин, которые вечно жеманничают, так голова идет кругом. На людях я еще могу притвориться, но дома? Я либо с ума сойду от скуки, либо устану до смерти!

Муло невольно рассмеялась:

— Моя маленькая госпожа, вокруг столько людей, и что-то никто от этого не помер. Если бы вы хоть раз послушались госпожу и господина, сидели и стояли как положено, сколько бы наказаний удалось избежать!

Сянгенацзи пренебрежительно фыркнула:

— Что ты понимаешь? Ты думаешь, те, кто сидит с прямой спиной, — честные люди? Ха! Больше всего я ненавижу таких. В глаза улыбаются, а за спиной плетут козни, ради славы и выгоды идут на подлые дела. Даже если они одеты в лучшие шелка, это лишь оболочка. Называть их порядочными — значит осквернить это слово! Да, я хожу широко, ем неаккуратно, зато не люблю фальшиво улыбаться, чтобы кому-то угодить! Люблю — так люблю, не люблю — так и скажу. Пусть я кажусь кому-то странной, зато не веду двойную игру. Пусть меня не назовут благородным мужем, но я куда лучше тех, кто притворяется таковыми!

— Опять ты за свое, — беспомощно покачала головой Муло. — Вы уже не ребенок, такой прямой характер в будущем принесет вам немало бед, особенно когда выйдете замуж.

При слове замуж Сянгенацзи покраснела. Заметив ее смущение, Муло не удержалась и спросила:

— А если в конце концов этот господин Вэй так и не полюбит вас? Что тогда?

Сянгенацзи опустила голову:

— Не знаю. Я просто хочу, чтобы он полюбил меня, хотя бы капельку.

— А если он полюбит вас, но свадьба не состоится? Что тогда делать?

— Я не боюсь! Я хочу быть с ним, хоть на краю света!

Муло помрачнела:

— Неужели у вас хватит духу оставить госпожу и господина, бросить всю семью?

— Это не я бросаю их, это они бросают меня, — лицо Сянгенацзи стало холодным. — Если они не хотят, чтобы я была с тем, кого люблю, и готовы ради этого выгнать меня из дома, то мне здесь больше нечего искать.

Муло почувствовала, как сердце сжалось от боли:

— Много ли на свете мужчин, умеющих любить и держать слово? Допустим, сейчас он носит вас на руках и увезет в свое Ци. А через десять лет? Двадцать? Разве он не изменит? Разве в древности не было ханьца, который убил свою жену из чжурчжэней, чтобы выслужиться перед властями? Госпожа и господин родили и вырастили вас, неужели они не хотят вам счастья? Именно потому, что они хотят, чтобы вы были счастливы, они и не желают вашего союза с этим господином Вэй.

— Я знаю, — Сянгенацзи принялась теревить пальцы. — Но лучше рискнуть, чем выйти замуж за нелюбимого. Вэй Чи... я чувствую, что он не такой. В его глазах читается, что он не из тех, кто меняет свои чувства. Он полюбит лишь раз в жизни и останется верен до конца. Если я упущу его, буду жалеть всю жизнь. Уж лучше попытаться и проиграть, чем всю жизнь жалеть об упущенном.

— Конечно, сейчас он кажется вам идеальным, но... — Муло занервничала.

— Сестрица! — Сянгенацзи подалась вперед и прикрыла ей рот рукой. — Больше ни слова. Хочу побыть в тишине.

Она накрылась одеялом с головой и зарылась в подушки, притворяясь спящей. Полежав так некоторое время и услышав, как Муло тихо закрыла дверь, она приоткрыла лицо.

Неужели этот Вэй Чи действительно так хорош?

При мысли о нем на душе стало сладко. В тот день, когда она увидела, как ее третий брат проиграл состязание в питье тому бледнолицему юноше, она, забыв наставления родителей, бросилась на помощь. Юноша, чьего рукава она коснулась, поморщился от нетерпения, но, словно решив принять вызов, не стал расспрашивать, кто она такая, а просто молча чокнулся с ней чашей.

На самом деле в Монине не принято чокаться чашами. От такого резкого движения вино расплескалось. Хм, а он с характером! Сянгенацзи тоже завелась, и они начали соревноваться. К концу вечера, когда перед глазами всё начало плыть, Сянгенацзи поняла, что перебрала. И в тот момент, когда она была уже навеселе, он, продолжая пить, негромко произнес на ханьском:

— Глупая ты девчонка...

Сянгенацзи, услышав это, рассердилась и попыталась встать. Он наконец посмотрел на нее и усмехнулся:

— Я не про тебя...

— А про кого? — у Сянгенацзи от гнева даже вены на лбу вздулись. — Кроме меня, здесь есть еще какие-нибудь девчонки?

— Я про себя. Довольна? — он лишь мягко улыбнулся.

— Нет! Не смей отнекиваться! Ты не девчонка, значит, говорил про меня! — возмущалась она.

— Я не девчонка, но я глуп, — он продолжал пить чашу за чашей.

Видя, что он говорит искренне, Сянгенацзи хихикнула:

— Ты влюбился в принцессу?

Он на мгновение замер, а потом рассмеялся:

— В Монине каждый мужчина обязан быть влюблен в вашу принцессу?

— Да... — Сянгенацзи закинула руки за голову, подложив их под затылок. — Она прекрасна, грациозна, полна достоинства. Любой мужчина потеряет голову. Ты ведь только на нее и смотрел, верно?

— Смелая ты. Знаешь, кто я? — улыбка исчезла с его лица.

— Ты ее советник... — Сянгенацзи покачала головой и налила себе еще.

Он снова усмехнулся:

— Я не ее советник. Я советник Великого Ци.

Сказав это, он бросил взгляд на центр пиршества:

— Не люблю притворства.

— Тогда зачем ты смотрел на нее? — не поверила Сянгенацзи.

— Потому что... я немного пьян, — он приложил руку ко лбу, делая вид, что у него кружится голова.

— Ха-ха-ха, ты забавный, — Сянгенацзи сама чокнулась с его чашей. — А какие женщины тебе нравятся?

— Естественные, понимающие, чьи души созвучны моей. Вот и всё.

Сердце Сянгенацзи дрогнуло. Она внимательно посмотрела на него: он пил не грубо, не по-мужски залихватски, но это лишь подчеркивало его естественность. Кто знает, сколько из тех, кто пьет с размахом, лишь притворяются широкой душой? Естественность, созвучие душ... вот что ему нужно.

— Плохое вино, — он нахмурился, сделав глоток. — Начало ничего, а послевкусие не очень...

Его забавная гримаса рассмешила ее:

— У меня дома есть хорошее! Хочешь попробовать?

— Если вино хорошее, я с удовольствием, — он рассмеялся открыто. — Моя родина в Шу, там знают толк в вине. Если представится случай, я непременно угощу тебя!

— Договорились!

— Договорились!

Потом они говорили еще о многом. Он с восторгом описывал вина своей родины, но она плохо знала ханьский и понимала лишь половину. К концу вечера язык стал заплетаться, и они перешли на монинский язык. Казалось, каждый говорил о своем, но при этом они словно мыслили в унисон. А потом остались лишь воспоминания о радости и безмятежности.

— Эй... не забудь свое обещание... — пробормотала Сянгенацзи, едва не засыпая, но из-за хмеля услышала лишь его шумный выдох.

Может, он согласился?

Сянгенацзи перевернулась на другой бок, глядя на печальные деревья за окном. Какая она, его родина? Как было бы чудесно странствовать с таким человеком среди гор и рек, наслаждаясь свободой! Вспомнив о местных ловеласах, которые только и думали о богатстве и знатных связях, она почувствовала отвращение и грусть. Если бы она была простой женщиной, посмотрели бы они на нее хоть раз?

Если бы она была простой женщиной, то он... Сянгенацзи невольно улыбнулась.

Пока Сянгенацзи предавалась мечтам, ее третий брат боролся за жизнь.

Умуцзи пришел в себя ближе к рассвету, но не успели родные вздохнуть с облегчением, как он снова потерял сознание, обливаясь потом. Его тело горело. К счастью, Сольхахэн оставил не только рецепт, но и само лекарство. Хэцзынана велела слугам дать снадобье сыну, а сама распорядилась приготовить еще. Лекарство немного помогло, но Умуцзи так и не проснулся. Хэцзынана, сгорая от тревоги, не выдержала усталости и, увидев, что дыхание сына стало ровнее, ушла в свои покои немного поспать.

Она не спала сутки напролет, и стоило ей коснуться подушки, как она провалилась в тяжелый сон.

В полудреме ей казалось, что она то ли на берегу реки, то ли в горах, окутанных густым

туманом. Хотелось сделать шаг, но было страшно, хотелось протянуть руку, но она не решалась. В тревоге она увидела, как из тумана вышла женщина — та самая, какой она была в юности.

— Муло, что ты здесь делаешь?

Глядя на шевелящиеся губы ребенка, Хэцзынана почувствовала головокружение:

— Я не приходила к тебе.

— Смотри, разве это не здесь? — ребенок указал пальцем, и туман рассеялся. Она снова оказалась в старом дворце.

Хэцзынана вздрогнула. В саду стояла она сама. А рядом сидела та женщина... Да, когда ты была рядом, разве я не стояла всегда поодаль?

Две девочки собирали цветы, о чем-то болтая. Хэцзынана не удержалась и подошла ближе, желая увидеть ее — ту, прежнюю.

Вдруг девочка, сидевшая на траве, отвернулась от подруги и посмотрела прямо на нее:

— После моей смерти... ты была счастлива?

Хэцзынана почувствовала холод и отступила на шаг.

— Все эти годы, что меня нет, ты получила то, чего хотела? Муло?

Хэцзынана закрыла уши руками:

— Я не Муло! Я — Хэцзынана!

— Муло... — лицо той женщины оставалось детским, но тело превратилось в юную девушку, а затем в молодую женщину. — Всю свою жизнь ты хотела лишь носить имя Хэцзынана?

Хэцзынана было страшно, но тело словно онемело. Она видела, как та приближается, и с каждым шагом ее тело дряхлело. Когда та оказалась прямо перед ней, она была уже глубокой старухой, хотя лицо оставалось свежим и прекрасным, как в двенадцать лет.

— Ты... обречена быть Муло... Даже имя Хэцзынана я дала тебе лишь потому, что оно первое пришло мне на ум! Ха-ха-ха! — детское лицо безумно хохотало, пока тело рассыпалось в прах, превращаясь в груды костей.

А! — вскрикнула Хэцзынана.

— Госпожа, госпожа! — вбежала служанка, отдергивая занавеси. — Вам приснился кошмар?

Хэцзынана коснулась лица и обнаружила, что оно залито слезами.

— Не тревожьтесь так о третьем господине, он человек знатный, его хранит судьба. Вам нужно беречь себя!

Услышав слова о знатной судьбе, Хэцзынана почувствовала пустоту. Она взяла платок, чтобы умыться, и холодно спросила:

— Сколько я спала?

— Три часа, скоро время ужина.

Хэцзынана взглянула в окно — небо окрасилось в багровые тона:

— Иди, приготовься, я скоро приду ужинать.

Когда служанка вышла, Хэцзынана, не раздеваясь, встала с кровати и подошла к окну. Глядя на мягкие, яркие облака, она почувствовала печаль. Сколько лет прошло, и вот она снова приснилась ей, но этот кошмар не отпускает. Неужели в конце концов мы так и останемся врагами? В юности мы тоже смотрели на закат. Тогда ваш дворец был еще новым, стены очерчивали небо, которое казалось не таким, как у всех. С наступлением сумерек облака превращались в парчу, сплетаясь в причудливые узоры, словно желая улететь ввысь. Но проходило мгновение, и красота исчезала, оставляя лишь холодный океан облаков, несколько звезд и одинокий серп луны. Я вздыхала про себя, а вы поворачивались и с улыбкой говорили: «Раз мы можем каждый день вместе смотреть на эту красоту, жизнь уже удалась».

Но вы не были довольны. И я... я тоже не была.

Хэцзынана тяжело вздохнула, села и сделала глоток чая. Она вспомнила дочь той женщины.

Принцесса, неужели ты в конце концов станешь такой же, как твоя мать?

— Что это? — Вэй Чи выбежала, держа в руках эмалевую вазу.

Сольхахан искоса взглянул на нее:

— Ты можешь хоть минуту посидеть спокойно?

— Это же шедевр! Посмотри на этот цвет! На эту форму! Ой-ой... среди всех вещей в твоей комнате эта, хоть и кажется невзрачной, — лучшая. — Вэй Чи рукавом протерла дно. — Точно, это клеймо мастера. Мне несказанно повезло!

— Это вещь моей матери. Она получила ее в подарок от отца, когда еще была в фаворе.

В фаворе? Вэй Чи смутилась:

— Может, положить обратно?

— Ничего страшного. Если хочешь, можешь забрать ее себе, — Сольхахан даже не поднял головы.

Вэй Чи хихикнула, осторожно поставила вазу на место и снова подобралась ближе:

— Цицигэ, ты сердишься? Незнание — не порок...

— Я правда не сержусь, — Сольхахан отложил кисть и слабо улыбнулся. — Для меня это просто ваза. Я с детства не люблю такие вещи, держу их здесь лишь ради приличия.

— О? А почему тогда ты так дорожишь теми безделушками с рынка? — не поверила Вэй Чи.

— Потому что у меня была подруга, которая в детстве часто приносила мне вещи простых людей. Я храню их лишь потому, что они напоминают мне о ней. Поэтому те вещи я могу подарить тебе, лишь бы ты не разбила их по неосторожности.

— Вот это правда. Для меня уже счастье остаться в живых, не стоит портить хорошие вещи, — Вэй Чи подошла ближе. — А кто эта подруга?

Сольхахан легонько щелкнул ее по лбу, отстраняя:

— Совсем не такая сумасбродная девчонка, как ты!

Вэй Чи фыркнула и, скрестив руки на груди, выпрямилась.

Видя ее надутое лицо, Сольхахан постучал по столу:

— Хватит шутить, давай о деле. — Он сделал паузу и пересказал ей свое обещание, данное Хэцзынане.

Лицо Вэй Чи помрачнело:

— Та женщина не понимает сути, но ты-то зачем глупишь? Скажи мне, чем это закончится? Хочешь жениться — женись сам, меня это не касается.

Сольхахан приподнял брови:

— Я же сказал тебе прямо, разве я тебя подставил?

— Не подставил, а подставил под удар! — Вэй Чи отпила чаю.

— Сделай милость, считай, что ты мне должна, — Сольхахан собрал документы и протянул ей.
— Прошу тебя, господин Вэй, разыграй этот спектакль... А если когда-нибудь Цицигэ понадобится, ты только скажи.

Вэй Чи взяла документы, положила их на колени и задумалась:

— Мне-то всё равно, только не перегни палку... Ты же знаешь, я ведь не по-настоящему...

Сольхахан прикрыл ей рот рукой и рассмеялся:

— Не бойся, не бойся... господину Вэю стоит хоть раз мне поверить...

— И еще, не испорти жизнь той девушке! — Вэй Чи убрала его руку и сердито добавила.

Видя, что она согласилась, хоть и неохотно, Сольхахан великодушно похлопал ее по плечу:

— Разве такая мелочь стоит усилий? Не волнуйся, я всё устрою!

<http://bllate.org/book/21780/2252237>